

**«ЧЕМ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ ПРИГЛЯДЫВАЕШЬСЯ,
ТЕМ БОЛЕЕ СТРАННО СТАНОВИТСЯ»:
ГОРОД ПЕРМЬ В ЛИТЕРАТУРНО-ЖУРНАЛИСТСКИХ
ПРОГУЛКАХ ИВАНА КОЗЛОВА***

Настоящая статья тематически принадлежит к направлению литературных городских исследований (Urban Literary Studies). В ней анализируется цикл прогулок по городу пермского поэта и журналиста Ивана Козлова, публикующийся, начиная с 2016 г., в пермской интернет-газете «Звезда». Прогулки Козлова представляют собой мультимодальные тексты, объединяющие фоторепортаж и рассказ. Вербальный и визуальный ряды тесно переплетаются, и фотографии функционально выступают как эквиваленты описаний. Анализ обширного, но содержательно целостного массива текстов, позволил выявить актуальные тенденции в литературной и журналистской репрезентации темы города в 2010-е гг. Предметом анализа стало видение или взгляд на город, реализующийся в цикле прогулок. Рассматривая вслед за Д. Урри и Й. Ларсеном взгляд (видение) как социально-культурный конструкт, мы выделяем культурные коды, определяющие как избирательность взгляда, так и порядок интерпретации увиденного в прогулках Козлова. Ассоциативные поля, к которым апеллирует (отсылает) автор в прогулках, связаны преимущественно с мотивами фантастического в массовой культуре и визуальной эстетикой *urban exploration*. Ключевая семантическая категория видения города в прогулках И. Козлова определяется в статье как «странность» городского. Категория странного у Козлова связана с ощущением зловещего или жуткого (*uncanny*), она акцентирует иррациональные аспекты городского пространства. Поэтический взгляд автора на город открывает реальную сложность городского пространства, его гетерогенность, о которой писали такие теоретики города, как Мишель Серто, Анри Лефевр, Мишель Фуко. Используя понятийный аппарат Лефевра, можно сказать, что город в прогулках Ивана Козлова открывается прежде всего в аспекте пространства репрезентаций, как источник художественных инспираций и стихийного самодвижения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Пермь; городские исследования; жанр прогулки; взгляд; медиа; мультимодальность; визуальность; категория странного.

Ц и т и р о в а н и е: Абашев В. В. «Чем внимательнее приглядываешься, тем более странно становится»: город Пермь в литературно-журналистских прогулках

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-412-590008 р_а «Новые городские медиа в локальном коммуникативном пространстве».

Ивана Козлова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 147–162.

Поступила в редакцию 28.03.2019

Принята к печати 18.04.2019

Vladimir V. Abashev

Perm State University

Perm, Russia

‘THE CLOSER YOU LOOK, THE STRANGER IT GETS’: PERM IN IVAN KOZLOV’S LITERARY JOURNALISTIC WALKS

This article belongs to the field of Urban Literary Studies. It examines the cycle of city walks by Ivan Kozlov, a poet and journalist from Perm, which has been published since 2016 in online magazine *Zvezda*. Kozlov’s walks represent multimodal texts combining a photo report and a story. The verbal and visual narratives are closely intertwined, and photographs functionally act as equivalents to descriptions. Analysis of an extensive but comprehensive array of texts makes it possible to identify current trends in the literary and journalistic representation of the city theme in the 2010s. The subject of the analysis is a vision of or a look at the city realised in a cycle of walks. Relying on John Urry and Jonas Larsen’s interpretation of the gaze (vision) as a social and cultural construct, the author singles out cultural codes that determine both the selectivity of the look, and the order of interpretation of the seen in Kozlov’s walks. The associative fields which the author refers to during his walks are mainly connected with the motifs of the fantastic in popular culture and the visual aesthetics of urban exploration. The key semantic category of the vision of the city in I. Kozlov’s walks is defined in the article as the ‘strangeness’ of the city. Kozlov’s category of ‘strange’ is associated with the feeling of the ominous or uncanny, which emphasises the irrational aspects of urban space. The author’s poetic vision of the city reveals the actual complexity of urban space and its heterogeneity, which was described by such city theorists as Michel de Certeau, Henri Lefebvre, and Michel Foucault. Using the conceptual apparatus of Lefebvre, the author argues that the city in Ivan Kozlov’s walks is revealed primarily in the aspect of space of representations, as a source of artistic inspiration, and spontaneous self-movement.

Key words: Perm; Urban Literary Studies; city strolling; gaze; media; multimodality; visuality; uncanny.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 18-412-590008 p_a “New Urban Media in Local Communicative Space”.

Citation: Abashev, V. V. (2019). “Chem vnimatel’nee priglyadyvaesh’sia, tem bolee stranno stanovitsia”: gorod Perm v literaturno-zhurnalisticheskikh progulkakh Ivana Kozlova [‘The Closer You Look, the Stranger it Gets’: Perm in Ivan Kozlov’s Literary Journalistic Walks]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 147–162.

Submitted on 28 March, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Хотя в отечественной гуманитаристике нет терминологического эквивалента Urban Literary Studies, изучение репрезентаций городской среды в литературных произведениях имеет собственную исторически глубокую и методологически основательно фундированную традицию. Начиная со второй половины 1990-х гг., в опоре на работы ученых тартусско-московской семиотической школы о Петербурге литературные городские исследования широко развернулись и в региональных гуманитарных гнездах. В 2000-е гг. появилась серия работ о литературных отражениях уральских городов [см., например: Абашев; Ключкова; Подлубнова].

Интерес к теме литературных репрезентаций города и сегодня сохраняется в региональных исследованиях [Коваленко, 2017а; 2017б]. Более того, в 2010-е гг. ее актуальность в контексте новой волны урбанизации, которая развернулась в России, только возросла. В то же время активизация городских исследований в сфере словесности нуждается, на наш взгляд, в существенном расширении материала для анализа. Наша статья и представляет собой попытку ввести в сферу размышлений о городе словесность «мимолетную» — а именно жанр прогулки, который сегодня интенсивно развивается в городской журналистике. На наш взгляд, текущая интернет-словесность открывает существенные черты современного урбанистического сознания и новые ракурсы взгляда на городскую среду. И не будет ли в дальнейшем этот род словесности признан таким же важным фактором формирования образов городов, в качестве которого мы рассматриваем сегодня мимолетную газетную словесность начала XX в. — городские фельетоны пермяка С. А. Ильина [Власова] и екатеринбуржца П. Я. Блиновского [Козлов, 2015]? К тому же мимолетность интернет-словесности относительна. Наглядный пример тому — Павел Селуков, пермский писатель, стремительно прошедший по шкале градаций культурной легитимации от коротких рассказов в «Фейсбуке» до публикации их в литературных журналах и первой книги [Селуков].

Урбанистически ориентированные сетевые издания интенсивно развиваются в России с начала 2010-х гг., и сегодня медиа этого типа представлены во всех крупных российских городах. Их отличает сосредоточенность на городском стиле жизни, проблемах урбанизации и, в частности, обостренное внимание к вопросам развития и особенностям городского пространства [Абашев, Печищев]. В силу обширности и неизученности материалов современной городской журналистики в рамках настоящей статьи мы сосредоточим внимание на деятельности лишь одного автора — пермяка Ивана Козлова. Это популярный в городе журналист, профессиональный фотограф и, что немаловажно, самобытный поэт со своей тематикой, системой мотивов и интонациями. Его стихи выходили отдельной книгой, включались в антологии уральской поэзии, а также печатались большими подборками в журналах «Знамя» и «Волга» [Козлов, 2011; 2016а].

Собственно говоря, обостренным вниманием к пространству города пермская интернет-газета «Звезда», где публикует свои прогулки И. Козлов, во многом обязана именно ему. В апреле 2016 г. по инициативе нашего автора в газете появился раздел «Город», где И. Козлов представил целостный проект

журналистского исследования городского пространства: «чтобы начать менять город, нужно сперва прочувствовать его» [Козлов, 2016б]. Едва ли не главным инструментом предполагаемого исследования «безумной сложности и неоднородности» городской реальности журналист задумал сделать прогулки. Он предложил читателю совершить с ним «спонтанное и субъективное <...> путешествие по <...> районам и кварталам» Перми, которое открыло бы «возможность взглянуть на привычные места под новым углом [зрения]» [Там же]. Анонсированный проект исследования города не остановился на стадии замысла, как нередко случается в журналистской практике, слишком зависящей от внешних обстоятельств. Начиная с апреля 2016 г., прогулки И. Козлова по Перми с почти еженедельной регулярностью выходят в свет. Они заинтересовали и читателей, и коллег по журналистскому цеху. В 2017 г. пермские прогулки были признаны местным профессиональным сообществом лучшим авторским журналистским проектом [Моринова].

За минувшие три года журналист опубликовал, если учитывать среднюю периодичность их выхода в свет, около полутора сотен прогулок. К сожалению, из-за проблем с навигацией на сайте газеты (вот она, мимолетность!) нам не удалось выявить адреса всех публикаций цикла. Однако и те около ста тридцати прогулок, что были найдены, дают достаточный материал для заключений об авторском видении современного города. Видение или взгляд на город, реализующийся в цикле пермских прогулок Ивана Козлова, и станет предметом анализа в настоящей статье. Понятие взгляда, как оно здесь используется, мы определим позже, а пока суммируем некоторые общие наблюдения над особенностями жанра прогулки у пермского журналиста.

Прежде всего, необходимо сказать, что прогулки Козлова представляют собой мультимодальные тексты, объединяющие фоторепортаж и рассказ. Повествование, фиксирующее последовательность движения в пространстве, эмоциональные реакции и оценки автора, реплики персонажей и т. п., дополняются, как правило, множеством фотоснимков, наглядно предъявляющим текстуры городской среды. Вербальный и визуальный ряды тесно переплетаются, и фотографии выступают не как простые иллюстрации к сказанному. В структуре прогулки функционально они выступают как эквиваленты описаний. Фотоснимки становятся конструктивными компонентами текста, двигают повествование, но и расширяют его, благодаря дополнительным ассоциациям, которые они вызывают, например, с определенными киноэстетиками. Фотографии прочитываются как содержательно полноценные высказывания, интерпретацию которых направляет вербальная рамка. Переход от вербального повествования к визуальному обеспечивается, как правило, дейктическими конструкциями, обращенными к читателю. Подготовив вектор восприятия, автор отсылает читателя к изображению, которое следует за двоеточием: «я увидел перед собой вот это», «вот, например, стихийная зона отдыха под кроной дерева», «короче говоря, на улице Чехова я увидел вот это вот», «вот это, пожалуй, классический вид на Разгуляй» [Козлов, 2016г; 2017а; 2017б; 2018а] и т. п.

В дальнейшем мы приведем примеры взаимодействия визуального и вербального рядов, а пока продолжим описание общих особенностей прогулок пермского журналиста и поэта, остановившись на их топографии. И выбор городских локусов, по которым прокладывает свои маршруты поэт-журналист, и характер движения по ним многое говорят о его видении города. Поскольку наименование локации, а часто и направление движения — «от и до», автор выносит в заголовок каждой прогулки, то простой просмотр библиографического списка показывает, что за три года маршрутная сеть прогулок Козлова охватила городское пространство практически сплошь — тотально. Автор стремится «закрыть» все «пробелы на городской карте» — так он сам определил интенцию замысла своего разросшегося цикла [Козлов, 2018д]. Другая черта топографии прогулок Козлова — ее дробность. Каждый из маршрутов охватывает небольшой фрагмент городского пространства, порой ограниченный двумя-тремя кварталами.

Такой подход к освоению городского пространства — стремление к тотальному охвату целого и микроисследованию его фрагментов — сам по себе необычен и прецедентов в текущей городской журналистике, кажется, не имеет. Он свидетельствует, по крайней мере, о двух обстоятельствах. Во-первых, тот факт, что прогулки Ивана Козлова появляются в пермской газете чуть ли не еженедельно на протяжении трех лет, демонстрирует их успех у читателя. Но важно и другое: выражение «закрыть пробелы на карте» в нашем случае имеет не только буквальный картографический смысл, но и более глубокий — дискурсивный. Дело в том, что для множества городских локусов прогулки Козлова стали первым опытом их *проговаривания* в словесности, имеющей статус более высокий, чем стихийные, никем не фиксируемые дискурсивные практики устных рассказов.

В более ранней практике пермских литературных прогулок 2000-х гг. [см., например: В поисках Юрятина] речь шла о центральных районах города, укладывающихся в границы старой губернской Перми, с ее локациями, насыщенными исторической и культурной памятью. В этих прогулках как бы заново в живой жанровой стилистике описывались места, уже отраженные в литературных памятниках, в старой газетной хронике, в трудах краеведов. Тогда речь шла о том, чтобы восстановить историческую память мест, ввести ее в оборот современного читателя, поскольку в 1990-е — начале 2000-х гг. старая Пермь только открывалась. А в прогулках Козлова, и это сразу бросилось в глаза, по существу впервые «заговорили» безмолвные прежде районы Перми, ее маргинализированные окраины — Бахаревка, Кислотные дачи, Крохалевка, Заостровка, Вышка, Гайва, Ераничи и другие, названия которых мало скажут внешнему читателю, но много говорят пермяку. По сути, Иван Козлов предпринял первый опыт сплошного дискурсивно-визуального освоения и скрепления рыхлого и пустотного пространства Перми — города, растянувшегося на 70 км вдоль Камы и до сих пор представляющего, используем термин В. Л. Глазычева, конгломерат рабочих слобод [Глазычев].

Стоит подчеркнуть, что прогулочный цикл И. Козлова начинался именно с отдаленных районов. Осваивая город, автор двигался от периферии к центру. Прогулки по историческому центру города стали появляться начиная со второй половины 2018 г. Но именно в тактике его перемещения — квартал за кварталом — по центральным районам города более отчетливо проявилась другая, не столь очевидная, но, пожалуй, особенно значимая черта топографии прогулок И. Козлова.

Естественно, что локациям центральных районов города присущ наиболее высокий уровень культурно-исторической и литературной кодификации. Однако и здесь автор открывает «невидимые», как он выразился в одной из прогулок, пространства [Козлов, 2019б]. Они «невидимы» для большинства горожан в том смысле, что в повседневном перемещении по городу мы, как правило, придерживаемся путей, заданных маршрутами движения транспорта, расположениями важных для повседневной жизни локаций и т. д. Иными словами, наше движение по городу (и для пешеходов, и тем более для автомобилистов) определено, как правило, административно установленной сетью городских коммуникаций и мест. В результате мы видим город преимущественно с фасадной или лицевой стороны.

Иван Козлов предложил читателю взглянуть на город с изнанки, и во время его прогулок «парадная и официальная Пермь» зачастую меняется на «Пермь неофициальную, неприглядную и заброшенную» [Козлов, 2019в]. Блуждая по кварталам Перми, Иван Козлов постоянно пересекает незримые границы ее локаций: заходит во дворы, проникает или хотя бы заглядывает в служебные пространства, входит в здания, которые посещаются, как правило, со специальными целями. Это осознанная тактика. Она характеризует и маршрутизацию движения, и видение городского пространства. Как определяет свою тактику исследования города сам автор, его прогулки — «это истории про то, что в городе скрыто от посторонних глаз: про неочевидные переулки, странные дворы или тупики, в которые никто не заглядывает» [Козлов, 2018в].

Результаты выворачивания городской изнанки оказываются неожиданными, но по-своему плодотворными, предлагая смену привычного ракурса. Показателен в этом смысле, цикл прогулок по Сибирской улице и прилегающим к ней кварталам. Сибирская — это исторический центр Перми, в XIX в. ее называли пермским Невским проспектом. Вдоль Сибирской и сегодня расположено большинство сохранившихся памятников истории и культуры города, что делает улицу наиболее привлекательной частью Перми для туристов. Иван Козлов показал пермский Невский проспект с неожиданной стороны. С иронией предупредив читателя, что прогулка в окрестностях Сибирской представлялась автору путешествием «по выдающимся архитектурным памятникам», он констатирует, что в итоге она «обернулась <...> мрачным сталкерским трипом по закоулкам, похожим на промзоны, и полуразрушенным маргинальным дворам» [Козлов, 2018б]. Зафасадный, увиденный с изнанки центр города оказался в высокой степени руинированным пространством.

Созданная Козловым богатая визуальная документация внутренних пространств городского центра предъявила читателю градиацию текстур упадка и ветхости.

В том взгляде на город, который предлагает Иван Козлов, есть безусловно свойственная ему как поэту элегическая художественная модальность, восходящая к эстетике руин. Но все же не эстетическая склонность, на наш взгляд, является доминантой его предпочтений изнанки фасаду. Внутренние зафасадные и зачастую маргинализированные пространства города привлекают внимание поэта-журналиста в первую очередь стихийной иррациональностью их жизни. Мы имеем в виду, что эти пространства в значительной степени существуют вне порядков рационального административного контроля. Поэтому здесь, с изнанки, в большей степени проявляются стихийные начала городской жизни. Иногда И. Козлов склонен интерпретировать эту стихийность через имплицированную в описания метафору города как чудовищного организма [Трубина, с. 467–475]. Зайдя во двор особняка, нарядный фасад которого выходит на Сибирскую, он замечает скопление кондиционеров, облепивших стену, как опята пень. Колоритная фотография сопровождается комментарием: «Кажется, что эта колония кондиционеров не была установлена человеком, а зародилась тут сама по себе — от сырости и запустения» [Козлов, 2018б].

Однако, описывая ускользящую от контроля жизнь внутренних пространств города, Иван Козлов делает акцент и на другом аспекте стихийности — социальном. Здесь, во дворах, «местные жители <...> переделывают окружающее пространство под себя» [Козлов, 2017а]. Отсюда внимание журналиста ко всем проявлениям самодеятельности горожан. Ни одна из его прогулок не обходится без обильной фиксации следов стихийной деятельности жителей по приспособлению пространства для себя. Особенное внимание он уделяет произведениям так называемого жэк-арта. В последнее десятилетие это наивное искусство украшения придомовых территорий буквально переполнило российские города и уже привлекает внимание исследователей [Букина]. Скрашивая унылое руинированное пространство, жители домов декорируют его яркими инсталляциями, созданными зачастую из вышедших из употребления бытовых предметов, детских игрушек и т. п. Пермь не исключение. Прогулки Ивана Козлова представили уникальный по полноте архив визуальных материалов, который может послужить базой для исследования.

Благодаря фотографиям в текст прогулок инкорпорируется также множество чужих голосов, высказываний: они звучат в граффити как фигуративных, так и текстовых, в рекламе и многочисленных вывесках, неожиданное сочетание которых порождает спонтанные монтажные столкновения смыслов, в объявлениях горожан. Запечатленные в фотографиях тексты существенно расширяют пространство присутствия Другого в прогулках. В итоге город, не в последнюю очередь благодаря фотографиям, является в прогулках И. Козлова как пространство социальное в многообразии репрезентаций чужих желаний, проявлений воли, высказываний, жестов.

В конечном счете, город предстает у Козлова как пространство множества личных историй. В прогулке по одной из улиц городского центра, выйдя к известной пермякам Пушкинской бане, автор вспоминает о знакомстве и беседах с ее хозяином Валерием Япаровым — ярким человеком и увлекательным рассказчиком, поведавшим журналисту множество колоритных историй. Сами истории, впрочем, автор не пересказывает, а отсылает читателя к граффити художницы Екатерины Гущиной. Участвуя в коллективном арт-проекте «Длинные истории Перми», она «поговорила с Валерием Япаровым и <...> проиллюстрировала некоторые байки» [Козлов, 2019a]. Завершается предведение обычной для Козлова дейктической конструкцией: «Получилось здорово». В подтверждение сказанного следует ряд фотографий граффити Е. Гущиной, запечатлевших в картинках и репликах истории из банной жизни на длинном бетонном заборе, огораживающем территорию. Используя понятия социологии повседневности М. де Серто, можно сказать, что Иван Козлов открывает Пермь как пространство тактик, а не стратегий городской жизни [Серто, 2015, с. 100–118]. В конечном счете, его интересует жизнь города в богатстве деталей повседневности.

Рассматривая топографию пермских прогулок Ивана Козлова, мы собственно уже перешли к характеристике их содержательного единства, обеспеченного единством видения или взгляда. Используемое здесь понятие видения или взгляда сегодня распространено как в визуальных, так и в литературных исследованиях. И обращение к нему представляется особенно уместным, если речь идет о жанре прогулки, тем более что в случае Ивана Козлова мы имеем дело с прогулкой с фотоаппаратом. Разделяя общее понимание взгляда как не столько природно-физиологического, сколько социально-культурного конструкта, вслед за Джоном Урри и Йонасом Ларсеном, мы рассматриваем его как своего рода систему «линз», выточенных нашей культурной и социальной биографией («*cultural lenses*»). Они определяют, как мы «упорядочиваем, формируем и классифицируем» видимое [Urry, Larsen, p. 2]. Эти «линзы» задают как избирательность взгляда, так и порядок интерпретации избирательно увиденного, и в их системе ключевую роль играют культурные коды. Они открывают те «ассоциативные поля», в смысловой перспективе которых разворачивается текст, и «позволяют увидеть <...> иную площадку действия, нежели та <...> с которой прямо говорит высказывание» [Барт, с. 455, 456]. Собственно, отметив склонность пермского поэта-журналиста к эстетике руин, его особенное внимание к «невидимым» пространствам города и продуктам стихийной деятельности горожан, мы уже приступили к характеристике его взгляда.

Возвращаясь к прогулкам Ивана Козлова, заметим, что по художественному достоинству они крайне неравноценны. Порой сказывается журналистская поспешность, и прогулка превращается в фоторепортаж, перемежаемый слишком беглыми комментариями. И все же в обширном, созданном за трехлетие, массиве прогулок И. Козлова, запечатлевших его блуждания по городу, есть внутреннее семантическое единство, обеспеченное единством взгляда.

Семантический принцип этого единства можно сформулировать при помощи одного из ключевых слов в лексиконе нашего автора: «странный». «Как обычно, — комментирует он перипетии одной из прогулок, — чем внимательнее приглядываешься, тем более странно становится» [Козлов, 2018г]. Этим автокомментарием — внимательное вглядывание, что открывает странность видимого — можно определить главный принцип взгляда на город, организующий тексты прогулок Ивана Козлова. Его остраняющий, если использовать термин В. Шкловского, взгляд обнажает странность обыкновенного, привычного, парадоксальное сочетание деталей городского интерьера, историческое слоение городских пространств, — такое ощущение внушает читателю журналист, перекрывая город и вписывая его в пространство личных историй.

Категория странного у Козлова зачастую связана с ощущением зловещего или жуткого, присутствием иррационального в атмосфере города. «КИМ — это улица стихийного и иногда безумного творчества», — анонсирует автор прогулку в ее окрестностях, где оказывается «страннее, чем в лондонских переулках» [Козлов, 2017б]. Странность месту придает скопление произведений жэк-арта. В окрестностях улицы КИМ жэк-арт имеет характерный колорит, присущий визуальности фильмов в жанре хоррор. К такому восприятию автор готовит читателя, обнаруживая характерные для него культурные коды из сферы массовой культуры. Приглашая последовать за ним на улицу Чехова, И. Козлов предлагает вспомнить рассказ Стивена Кинга «Крауч-энд». В этом рассказе, напомним, супружеская пара, отыскивая в лондонских переулках нужный дом, незаметно для себя пересекает некую границу и попадает в инфернальное измерение города.

Я испытал примерно те же чувства, — объясняет свое впечатление автор, — когда увидел девочку, одиноко качавшуюся на качелях — и готов поклясться, что у нее на телефоне играл какой-то дарквэйв типа группы «Otto Dix». Или когда увидел детей, которые бегали друг за другом с деревянными палками. Потом один из них закричал: «Побежали на дорогу смерти!», а все остальные побросали палки и скрылись вот с этой детской площадки [Там же].

Создав таким образом фон, оправдывающий суммирующее впечатление жуткой странности места, автор с помощью дейктической конструкции — «короче говоря, на улице Чехова я увидел вот это вот» — представляет вниманию читателя серию фотоснимков. На них с замечательным эффектом фактурности воспроизведено множество причудливых и колористически ярких композиций: наряженные куклы, другие детские игрушки, фантастические зооморфные существа из цветных пластиковых емкостей, ярко раскрашенные круги, напоминающие солярные знаки. Все это целой галереей расположено вдоль бетонного забора и действительно напоминает интерьер убежища маньяка из типичного хоррора. Эта ассоциация тем более закрепляется, когда автор напоминает об одной из городских историй, связанных с этими местами: «Где-то в этих дворах на улице Чехова жила девочка, которая в марте этого года вышла из школы

и не пришла домой, потому что ее похитил и замучил таксист. Вы помните эту <...> историю» [Козлов, 20176].

Обозрение странной галереи завершается репликой местного жителя: «У подъезда напротив этой стены стояла пожилая женщина с бельмом на одном глазу. Просто смотрела в эту стену и всё. “Это моя невестка сделала с подругой, — сказала женщина, когда я подошел и поздоровался, — Красиво сделала, но надо обновлять. Краски надо больше. Надо больше краски”» [Там же]. Завершающие реплику слова о краске, которой надо больше, действительно усиливают в путешествии на улицу Чехова ноту зловещего, растворенного в атмосфере этого места.

Подобные макаберные мотивы в городских прогулках И. Козлова встречаются регулярно. Это один из устойчивых модусов в его восприятии города, и нередко он получает художественно убедительное выражение. Как, например, в прогулке по Егошихинскому кладбищу. Кладбище является ровесником города, ныне оно расположено в его центре и стало местом для прогулок горожан. Прогулка Козлова начинается с упоминания так называемой «могилы проклятой дочери», с которой связана ставшая популярной городская легенда, не имеющая, впрочем, никаких исторических оснований, что выяснено историками [Корчагин]. «Пересказывать истории, которыми обросла эта могила, — замечает Козлов, — как-то пошло», но, тем не менее, бегло и с иронией описывает наиболее распространенную фабулу, заключая пересказ вердиктом: «в общем, не легенда, а смесь из нелепостей, трагедий, [и] безумия» [Козлов, 2016в]. Прогулка по старинному кладбищу завершается странной встречей рядом с той же могилой проклятой дочери. Неподалеку автор замечает «сгорбленную бабку с клюкой», которая с кем-то громко разговаривает, но из-за зарослей не видно, с кем. Завязывается столь колоритный разговор, что, учитывая мимолетность интернет-словесности, стоит привести его полностью:

— А может, ты его себе возьмёшь? — внезапно говорит мне бабка, когда я прохожу мимо. — Кого? — А вон мальчика этого.

Я смотрю в направлении, в котором она указывает клюкой, и почему-то меня совершенно не удивляет, что никакого мальчика там нет. Вообще никого нет.

— Я его ловлю постоянно, но только его никто себе брать не хочет, а я не могу. Возьми, пусть у тебя поживёт, чего ему тут обретаться.

— Там никого нет, — я говорю это без особой надежды на отклик, но на бабку мои слова производят впечатление. Она долго вглядывается в кусты, из которых торчат ржавые памятники.

— И правда, он опять убежал. Они постоянно убегают. Поэтому их никто к себе не берёт. Я бы взяла, да у меня уже много их.

— Я тоже не могу, — говорю я, — извините.

— А знаешь, что самое подлое? Они убегают каждый раз, когда я их крестить собираюсь. Несла батюшке в церковь деньги, чтобы он их крестил, да не донесла — они всё украли. Вон, видишь?

Бабка погрозила клюкой в сторону заросших могил [Там же].

Как видим, иронически отстранившись от «нелепой» жути исторической легенды, И. Козлов восстанавливает эту жуть в жизни города, фиксируя его

современные дискурсивные практики. Зловещее продолжает жить в современном городе в парадоксальных сочетаниях обыденного и странного.

В этих сочетаниях также проявляется стихийность жизни города. Ее колоритный пример — приключение автора на улице Льва Шатрова. Приведем еще один пространственный пример, демонстрирующий фактуру прогулок Ивана Козлова.

Немного поблуждав <...> я вышел на улицу Льва Шатрова. Мне не хотелось на ней задерживаться. Улица Льва Шатрова меня всегда раздражала — в Перми много неприятных улиц, но я не мог припомнить более унылую в своем однообразии. Однажды я даже заблудился здесь, разыскивая нужный адрес и пытаюсь сориентироваться среди плотно посаженных серых пятиэтажек, как две капли воды похожих одна на другую <...>. Дойдя до конца Льва Шатрова, я не удержался, достал смартфон и написал об этой улице неприятный твит. А потом поднял глаза от экрана. <...>. В момент, когда я отправил твит, в мире что-то поменялось. Это прозвучит безумно, но улица как будто бы оскорбилась и моментально отреагировала — пожалуй, она могла бы отреагировать, причинив мне какое-нибудь зло, но случилось иначе. Скорее, она решила меня разубедить [в своем однообразии], потому что дальше стало происходить что-то странное [Козлов, 2016г].

Начинается фантаσμαгория. Автор вдруг обнаруживает погруженную в заросли сюрреалистическую жэк-артовскую инсталляцию из ярких постеров и сотен детских игрушек, среди которых множество таращащих глаза кукол. Использование образов кукол, как показывают исследования, характерно для поэтики ужасного [Blackmore], и действительно интенсивные по цвету и фактуре фотографии, инкорпорированные в текст прогулки, поразительно напоминают кадры из фильмов в жанре хоррор. Следуя неизбежным кинематографическим ассоциациям, Иван Козлов находит фантастическое объяснение увиденному в духе киномифологий.

Во время многих прогулок я натываюсь на жэк-арт разной степени чудовищности <...> Но всё, что я видел раньше, не идет с этим ни в какое сравнение. Кажется, я, наконец, нашел <...> грибницу, королеву-мать, первородный бульон Жэк-арта, который распространяет его споры по всем остальным дворам города [Козлов 2016г].

Но на этой демонстрации, продолжает автор, «улица Льва Шатрова не успокоилась», встреча с грибницей жэк-арта открыла каскад странных происшествий и встреч, заставляющих автора думать, что он попал во временную ловушку. Во дворах он наблюдает бытовые сцены и артефакты минувшей эпохи. «Эта улица больше не кажется мне скучной, — замечает автор, вырвавшись из лабиринта дворов на простор магистрали и вернувшись, наконец, в настоящее время. — Ругательный твит я теперь, пожалуй, удалю» [Там же].

Неизбежно возникает вопрос, как соотносится это субъективное и поэтическое видение города в прогулках Ивана Козлова с городской реальностью? На наш взгляд, открытое поэтом-журналистом в 2016 г. и близящееся к завершению в 2019 г. «спонтанное и субъективное <...> путешествие по <...> районам и кварталам» Перми, действительно, дало «возможность взглянуть

на привычные места под новым углом [зрения]» [Козлов, 2016б] и открыло важный аспект городского пространства — его гетерогенную сложность. Несмотря на видимую технократическую рациональность системы управления и планирования, город противоречиво и порой конфликтно совмещает в своем пространстве рациональные и иррациональные порядки. Пермские прогулки Ивана Козлова проявляют весьма значимый слой городского пространства: «антропологический, поэтический и мифологический», как в эссе о прогулке характеризовал его Мишель Серто. Это пространство «темного и слепого течения городской жизни», т. е. пространство повседневных, ускользающих от контроля практик [Серто, 2008, с. 25–26]. Об этом же слое городского пространства как о пространстве репрезентаций писал Анри Лефевр. Пространство современного города, как замечал Лефевр, «видится двояким», и хотя оно «является рациональным, государственным, бюрократическим», город одновременно «содержит множество сакральных и проклятых локусов <...> изобилующих фантазмами и фантазмагориями» [Лефевр, с. 228]. О том же писал и Мишель Фуко, отмечая, что «несмотря на все техники, наполняющие современное пространство, несмотря на всю совокупность знания, которое позволяет детерминировать или формализовать его», оно «в отличие от времени, которое в XIX в. десакрализовалось почти полностью», сохраняет элементы сакрального [Фуко, с. 193]. В этом слое пространства скрываются источники символов и метафор городской литературы и поэзии. В Екатеринбурге это пространство Бориса Рыжего и Алексея Сальникова, в Перми — Ивана Козлова и Павла Селукова. Это пространство, которое питает непрекращающийся поток городских историй, слухов и анекдотов, ткущих нарративное тело города.

Закljučая анализ пермских прогулок Ивана Козлова, отметим типологическую особенность реализованного в них взгляда на город, а именно изменение аксиологии локального. Наш автор неоднократно подчеркивает, что его прогулки «не про историю и не про краеведение» [Козлов, 2017а]. Подобное отстранение от краеведения, стоит заметить, отнюдь не индивидуальная позиция пермского поэта-журналиста. Это тенденция, свойственная многим литераторам, пишущим сегодня о городе. То же стремление оттолкнуться от краеведения обнаруживает, например, Алексей Сальников. Отвечая интервьюеру на вопрос об изображении Екатеринбурга в его известном романе о Петровых, он заметил, что хотел «писать про город так, чтобы не было в этом краеведения» [Сальников]. Линию демаркации с краеведением проводит и журналист Юрий Болотов, главный редактор «The Village», московской интернет-газеты, которая дала толчок развитию новой городской журналистики. Поясняя замысел введенных им популярных рубрик о городе, он подчеркнул, что в подходе к формату хотел избежать «пыльного краеведения». «Сохраняя внешнюю оболочку <...> [традиционных] материалов [об архитектуре]», — писал Юрий Болотов, — мы «не говорили об истории, а пытались зафиксировать текущий быт со всеми его шероховатостями и изъянами» [Болотов, с. 8]. Иными словами, новая городская журналистика исследует текущую современность, оставляя за скобками предысторию.

Демонстративное отталкивание от краеведения не означает пренебрежения к историческому знанию. Говоря о «краеведении» (возьмем слово в кавычки), журналисты и писатели 2010-х гг. имеют в виду не столько почтенную историческую дисциплину, сколько определенный тип сознания в его отношении к современности. Этот тип сознания, можно назвать его и «краеведческим», сформировался в 1990-е гг. на волне изучения культурной жизни провинции и ресурсов региональной идентичности, когда, ломая каноны советской историографии, историки и филологи с энтузиазмом воскрешали забытые имена и события местной истории и словесности. Этот плодотворный процесс сопровождался формированием особого рода ностальгически окрашенного патриотизма, которому было свойственно некоторое преувеличение уникальности местного и особая аксиология локального, согласно которой ценность городской среды определялась преимущественно ее историческим статусом. Носитель такого типа сознания предпочитает «видеть [город] в историческом ключе» [Селуков, с. 137]. Что из этого порой получается, пермский писатель проиллюстрировал в рассказе «Женя и Литература» серией едких пародий на краеведческие описания городских достопримечательностей.

Ностальгически ориентированная аксиология локального стала объектом критики в 2010-е гг. «Ценность [твоего города], — как точно квалифицировал этот процесс Андрей Тесля, — определяется не тем, что здесь кто-то когда-то проезжал <...> а производится прямо на месте, при этом вне жестких траекторий — завися от взгляда смотрящего, от направления его интереса и способности увлекаться» [Тесля, Повилайтис]. Историческая память как ресурс идентичности и ценности локального, разумеется, не сбрасывается со счетов. Но она используется лишь как один из инструментов освоения и обустройства места твоей сегодняшней жизни. Это то «прошлое, которое, — как точно сформулировал Мишель Серто, — избирается и используется заново в соответствии с обычаями настоящего» [Серто, 2010, с. 119]. Соответственно, акцент переносится на освоение повседневности места, где ты живешь, умение увлеченно видеть ее фактуру и увлекать ею других. Местные сообщества меняют оптику взгляда на свой город, думая не о том, как предъявить его взгляду условного туриста, а о том, как — вернемся к заключениям Андрея Тесли — «увидеть свое, повседневное интересным для себя самого» [Тесля, Повилайтис]. В этом, в частности, и заключается роль пермских прогулок поэта-журналиста Ивана Козлова.

Источники

Болотов Ю. Вступление // The Village. Москва, где мы живем. Знаковая архитектура Москвы в историях горожан / ред. А. Лавриненко. М.: Эксмо, 2018. С. 8–9.

В поисках Юрятина. Литературные прогулки по Перми / В. Абашев, Т. Масальцева, А. Фирсова, А. Шестакова. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2005.

Козлов И. В окрестностях Углеуральска // Знамя. 2011. № 4. С. 5–61.

Козлов И. Пусть меня забирают по праву // Волга. 2016а. № 11–12. С. 5–9.

Козлов И. Проект «Город». Что это и зачем // Звезда. 04.04.2016б. URL: <http://city.zvzda.ru/columns/2279878b0bdf> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. Егошихинское кладбище: история в мрачных тонах // Звезда. 14.06.2016в. URL: <http://city.zvzda.ru/articles/1cbd7c98af9d> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. В окрестностях «Красных Казарм» // Звезда. 30.08.2016г. URL: <http://city.zvzda.ru/articles/a158103d902d> (дата обращения: 18.03.2019).

Козлов И. Улица Уральская: пешком до конца утопии // Звезда. 22.06.2017а. URL: <http://zvzda.ru/articles/f7b62c1d4d83> (дата обращения: 09.03.2019).

Козлов И. Улица КИМ: страннее, чем в лондонских переулках // Звезда. 07.06.2017б. URL: <http://zvzda.ru/articles/fa8a7db334db> (дата обращения: 18.03.2019).

Козлов И. Разгуляй: часть IV. Исторический центр исторического центра // Звезда. 08.01.2018а. URL: <http://zvzda.ru/articles/2c8840c2df69> (дата обращения 15.02.2019).

Козлов И. Окрестности Сибирской: часть II. Urban exploration // Звезда. 31.03.2018б. URL: <http://zvzda.ru/articles/68dd36520c01> (дата обращения: 09.12.2018).

Козлов И. Окрестности Советской: от часовни до самого «Дна» // Звезда. 07.05.2018в. URL: <http://zvzda.ru/articles/db8bf3bdda6e> (дата обращения: 09.03.2018).

Козлов И. Новые Водники: в гостях у самых крутых рептилий // Звезда. 05.09.2018г. URL: <http://zvzda.ru/articles/fd017a86c9b6> (дата обращения: 29.01.2019).

Козлов И. Реки, сады и долины Городских Горок // Звезда. 07.11.2018д. URL: <http://zvzda.ru/articles/d1a266dcd6a9> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. Медведь и русалка: прогулка от «Муравейника» до Пивзавода // Звезда. 14.01.2019а. URL: <http://zvzda.ru/articles/0f066a0455e7> (дата обращения: 29.01.2019).

Козлов И. Советский спорт: эстетика стадиона «Динамо» и его окрестностей // Звезда. 21.01.2019б. URL: <http://zvzda.ru/articles/dc929e727e75> (дата обращения: 18.03.2019).

Козлов И. Кварталы за библиотекой: от флагов и яблок к советским «Длинным историям» // Звезда. 06.03.2019в. URL: <http://zvzda.ru/articles/02f589a946be> (дата обращения: 11.03.2019).

Моринова М. Говорят и показывают // Новый компаньон. 17.01.2017. №1 (905). URL: <https://www.newsko.ru/media/3634975/003-nk-905.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

Сальников А. «Великие дела спецслужб — пшик, имитация» / [интервью М. Лащевой] // Новая газета. 13.06. 2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/13/76789-aleksey-salnikov-velikie-dela-spetsssluzhb-pshik-imitatsiya> (дата обращения 07.03.2019).

Селуков П. Халулаец : рассказы. Астана : Фолиант, 2019.

Тесля А., Повилайтис В. Возвращение на Итаку // Сибирь. Реалии. 13.10.2018. URL: <https://www.sibreal.org/a/29536115.html> (дата обращения: 15.03.2019).

Исследования

Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Перм. кн. изд-во, 2008.

Абашев В. В., Печищев И. М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 201–214.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.

Букина Д. Жилищно-коммунальное искусство // Партизанинг. Партизанские городские планировщики. 30.06.2017. URL: <http://partizaning.org/?p=13819> (дата обращения: 15.03.2019).

Власова Е. Г. Пермь в местной фельетонистике конца XIX — начала XX века // Геопанорама русской культуры / отв. ред. Л. О. Зайонц. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 295–310.

Глазьев В. Л. Город в России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М. : Наука, 1995. С. 137–144.

Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга/Свердловска в русской литературе (XVIII — середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2006.

Коваленко Л. А. Образ Екатеринбурга в современной автобиографической прозе Урала // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2017а. Т. 19. № 2 (163). С. 110–119.

Коваленко Л. А. Образ Свердловска-Екатеринбурга в современной документальной прозе Урала // Филол. класс. 2017б. № 4 (50). С. 123–129.

Козлов И. В. Творчество П. Я. Блинковского в екатеринбургской периодике: жанр стихотворного фельетона // Дергачевские чтения — 2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.) / [отв. ред. О. В. Зырянов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 267–274.

Корчагин П. А. «Легенда о могиле проклятой дочери»: откуда что взялось? // Вестн. Перм. науч. центра. 2016. № 1. С. 40–61.

Лефевр А. Производство пространства М. : Strelka Press, 2015.

Поддубнова Ю. Екатеринбург-Свердловск в русской литературе 1920-х гг. // Актуальні проблеми слов'янської філології. Сер. : Лінгвістика і літературознавство. 2010. Вип. XXIII. Ч. 1. С. 80–86.

Серто М. де. По городу пешком // Социол. обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–35.

Серто М. де. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 108–121.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1 : Искусство делать. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2015.

Трубина Е. Город в теории. Опыты осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2011.

Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / пер. Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2006. С. 191–204.

Blackmore L. "A Puppet's Parody of Joy": Puppets, Dolls and Mannikins as Diabolical Other in the Work of Ramsey Campbell // Ramsey Campbell; Critical Essays on the Modern Master of Horror. Studies in Supernatural Literature / ed. by G. W. Crawford. Boulder ; New York ; Toronto ; Plymouth UK : Scarecrow Press, 2014. P. 23–47.

Urry J., Larsen J. The Tourist Gaze 3.0. Los Angeles ; London : Sage, 2011.

References

Abashev, V. (2008). *Perm' kak text. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text. Perm in the Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm: Perm Book Publishing. (In Russian)

Abashev, V. V., & Pechishhev, I. M. (2018). *Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizatsii* [Local Online Media as Agents of Urbanisation]. *Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4 (30), 201–214. (In Russian)

Barthes, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected Papers: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. (In Russian)

Blackmore, L. (2014). "A Puppet's Parody of Joy": Puppets, Dolls and Mannikins as Diabolical Other in the Work of Ramsey Campbell. In G. W. Crawford (Ed.), *Ramsey Campbell. Critical Essays on the Modern Master of Horror. Studies in Supernatural Literature* (pp. 23–47). Boulder; New York; Toronto; Plymouth UK: Scarecrow Press.

Bukina, D. (2017, June 30). *Zhilishchno-kommunal'noe iskusstvo* [Yard Art]. *Partizaning. Partizanskie gorodskie planirovshhiki*. Retrieved from <http://partizaning.org/?p=13819>. (In Russian)

Certeau, M., de (2008). *Po gorodu peshkom* [Walking around the City]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 7, 2, 24–35. (In Russian)

Certeau, M., de (2010). *Prizraki v gorode* [Ghosts in the City]. *Neprikosnovennyj zasap*, 2 (70), 108–121. (In Russian)

Certeau, M., de (2015). *Isobretenie povesednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. 1. The Art to Make]. St Petersburg: European University Press. (In Russian)

Foucault, M. (2006). *Drugie prostranstva* [Other Spaces]. In M. Foucault, *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i intervyu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews] (pp. 191–204). Moscow: Praxis. (In Russian)

Glazychev, V. L. (1995). *Gorod v Rossii na poroge urbanizatsii* [The City in Russia on the Threshold of Urbanisation]. In E. V. Sajko (Ed.), *Gorod kak sotsiokul'turnoe iavlenie istoricheskogo protsessa*

[The City as a Socio-Cultural Phenomenon of the Historical Process] (pp. 137–144). Moscow: Nauka. (In Russian)

Klochko, Yu. V. (2006). *Obraz Ekaterinburga/Sverdlovsk v russkoi literature (XVIII — seredina XX v.v.)* [The Image of Yekaterinburg/Sverdlovsk in Russian Literature (18th — mid 20th Centuries)] (doctoral dissertation abstract). Ural State University, Yekaterinburg. (In Russian)

Korchagin, P. A. (2016). “Legenda o mogile prokliatoi docheri”: otкуда chto vzalos’? [“The Legend of the Grave of the Damned Daughter”: Where did that Come from?]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, 1, 40–61. (In Russian)

Kovalenko, L. A. (2017a). *Obraz Ekaterinburga v sovremennoi avtobiograficheskoi proze Urala* [The Image of Yekaterinburg in the Contemporary Autobiographical Prose of the Urals]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 19, 2 (163), 110–119. (In Russian)

Kovalenko, L. A. (2017b). *Obraz Sverdlovsk-Ekaterinburga v sovremennoi dokumental’noi proze Urala* [The Image of Sverdlovsk-Yekaterinburg in Ural Contemporary Documentary Prose]. *Filologicheskij klass*, 4 (50), 123–129. (In Russian)

Kozlov, I. V. (2015). *Tvorchestvo P. Ya. Blinovskogo v ekaterinburgskoi periodike: zhanr stikhotvornogo feljetona* [Blinovsky’s Creativity in the Yekaterinburg Newspaper: The Genre of the Poetic Feuilleton]. In O. V. Zyryanov (Ed.), *Dergachevskie chteniya — 2014: Russkaya literatura: tipy khudozhestvennogo soznaniia i dialog kul’turno-natsional’nykh traditsii* [Dergachev Readings — 2014: Russian Literature: Types of Artistic Consciousness and Dialogue of Cultural and National Traditions] (pp. 267–274). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. (In Russian)

Podlubnova, Yu. (2010). *Ekaterinburg-Sverdlovsk v russkoi literature 1920-kh gg.* [Yekaterinburg-Sverdlovsk in the Russian Literature of the 1920s]. *Aktual’ni problemi slov’jans’koj filologii. Serija: Lingvistika i literaturoznaustvo*, XXIII, 1, 80–86. (In Russian)

Trubina, E. (2011). *Gorod v teorii. Opyty osmysleniia prostranstva* [City in Theory. Essay on Understanding Space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Urry, J., & Larsen, J. (2011). *The Tourist Gaze 3.0*. Los Angeles; London: Sage.

Vlasova, E. G. (2004). *Perm’ v mestnoi feljetonistike kontsa XIX — nachala XX veka* [Perm in Local Feuilletonistics of the Late 19th — Early 20th Centuries]. In L. O. Zajonc (Ed.), *Geopanorama russkoj kul’tury* [The Geo-panorama of Russian Culture] (pp. 295–310). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury. (In Russian)

Абашев Владимир Васильевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики и массовых
коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vv_abashev@mail.ru

Abashev, Vladimir Vasilyevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Journalism and Mass
Communication
Perm State University
15, Bukireva Str., 614990 Perm, Russia
Email: vv_abashev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2712-2759
Researcher ID: R-7980-2016